

О Евтушенко, цензуре и дуэлях

Вы даже не представляете себе, что это было за время, 60-е годы! Мы, тогда молодые, только после университета, пришли в Восточно-Сибирское книжное издательство. Оно было единственным в области издательством. И нас, пятерых выпускниц, взяли туда работать!

Тогда не было старых писателей. Ну, Кунгуров, Седых – но им тогда не было и шестидесяти. Козловский, красавец, ему лет 50 было, может, и меньше. Василий Прокопьевич Трушкин, ему было всего 45 лет. Марку Сергееву – 38, а остальные – молодые совсем! Это 62-63 годы, та самая оттепель, когда «попёр» народ вот этот молодой. Откуда они брались? Вампилов пришёл после университета. Гена Машкин закончил политех, там уже начинал писать. Женя Суворов долго учился в университете, заочно, никак не мог закончить. Он писал свои рассказы и, кстати, Саня Вампилов очень ценил рассказы суворовские, из всех его многочисленных достоинств главным считал именно способность писать хорошие рассказы.

Да, все они были талантливые, умные, остроумные. И написано у них было уже немало. Но для того, чтобы их произведения начать редактировать, а тем более издавать, их должны были заметить и куда-то «запланировать». Или в альманахах «Ангара», он был единственным, больше не было никаких альманахов, никаких журналов, или в какой-нибудь издательский план поставить. В издательстве тоже не очень-то разбежишься: 9 названий по прозе, 5 – по поэзии, остальное – переиздания, краеведение, общественно-политические произведения. Альманах выходил 4 раза в год, потом стал выходить 6 раз, переименовали его в «Сибирь».

Конкуренция среди писателей была невероятная; попасть «в план», чтобы в перспективе, хотя бы года через 2 где-нибудь опубликовали, было очень проблематично. Существовали разного рода редакционные, художественные советы, которые обсуждали на сто рядов каждую рукопись: что можно издавать, что нет. Как же это нужно было умудриться тогда, чтобы талантливым быть и слыть, и конъюнктуру соблюсти?!

Не забывайте, что существовал ещё обком партии. Когда план в издательстве уже утверждён, его проверяли в обкоме:

- Вот эту рукопись дайте посмотреть, и вот эту!

Помню, была история с повестью Володи Жемчужникова «Осень на двоих». Повесть была о любви. Приезжает девочка в город, в артистки поступать. Никого у неё в городе нет. Ночью она звонит в редакцию газеты, видимо, имеется в виду «Советская молодёжь». А там находится бездомный писатель, у которого нет квартиры, ничего нет, он в этой редакции живёт. Она говорит:

- Я на вокзале, у меня тяжёлый чемодан и курносый нос.

Он:

- И что мне делать?

Ну, понятно, что. Герой едет туда, на вокзал, влюбляется в эту девочку, у них осень на двоих. А обком говорит: нельзя! Как это издавать? Что это за любовь такая? Ну, издать-то издали, но что потом было!

Помню, Пётр Фёдорович Московских, на тот момент партийный функционер, к нам приходил, собрание проводил:

- Была же установка не издавать.

Хотя, что тут такого по нынешним временам, смешно представить. Никаких проституток – помину нет, чистые отношения. «Но вот, чистые – они же незарегистрированные, как это так?» То есть иногда приходилось бороться «за любовь».

Или вот, например, как-то издавали поэтическую книжку, Гена Головатый написал. Человек был несчастный,

недвижимый – руки-ноги не работали. Он звонил в комсомольские органы, говорил, что он приехал, ему выделяли двух-трёх комсомольцев, которые его переносили. Стихи у него, конечно, не были оптимистичными. Хорошо, что вообще были стихи. И кстати, неплохие. Одно стихотворение-миниатюра заканчивалось так:

Вот и ещё один день прошёл,

Бессолнечный зимний день.

Цензура говорила: уберите «бессолнечный», вставьте «солнечный». Это взять и стихотворение уничтожить напроць – какой «солнечный»?! Потом всё-таки напечатали. А цензура ведь чувствовала, что человеку нехорошо, если у него день бессолнечный, оптимизма-то, получается, в жизни маловато! И сколько было таких наплывов, когда нельзя одно, потом нельзя совершенно другое. Помню, Трушкин прибежал однажды:

- У меня Пётр I «вылетел» из именного указателя! Царей, оказывается, не надо прославлять!

У него другие цари тоже были, Николай II, например, – его точно не надо было даже упоминать, а Петра вычеркнули с ним заодно.

Как-то у меня случилась забавная история: мне поручили редактировать рукопись первого пионера Иркутской области и руководителя первой пионерской организации, был такой Михаил Моценко. Он рассказывал в своей книге, как они работали - пионерская организация, комсомол. И одна глава была о том, как сибирских комсомольцев в Москву посылали, а там в это время клеймили Троцкого. Какой-то митинг был, наш автор на нём присутствовал. И всё это изложил: Троцкий такой-сякой, изменник-предатель, ненастоящий коммунист.

Ну, и я, молодая, неопытная, только-только начинаю редактировать, так и думаю: «Троцкий же бяка, мы же его не любим». Вызывает меня Козыдло Николай Григорьевич, обаятельный, кудрявый, самый главный по цензуре. То, что он возглавлял, Обллит называлось. Тогда Козыдло знали все. Мне и в голову не могло прийти, что в «пионерской» рукописи что-то не то. Он меня спрашивает:

- Вы скажите, что у вас в аннотации написано? Книга о самых первых пионерах и комсомольцах Сибири? Так?

- Так!

- Ну, а Троцкий тут при чём?

- Ну, как же, он ведь туда ездил, автор-то, в Москву, на митинге был!

- Троцкий - он какое отношение имел к пионерам?

Я говорю:

- Ну, как?! Уже всё напечатано! Вон и Микоян тоже пишет, что Троцкий...!

- Вот пусть Микоян и пишет! А вы Троцкого уберите, чтобы духу его не было!

Пришлось несколько страниц из середины набранной рукописи выкидывать, а это же не компьютер, это линотип. Там всё непросто - если из середины что-то «вырубил», непонятно, чем заполнить. Это перевёрстку надо делать – жуткие деньги!

За рассказ писателям самым молодым платили 150 рублей за лист. Лист - это 24 машинописные страницы. Но чаще всего там было не 24 страницы, а 4-5. Сколько это копеек от 150 рублей? Правда, иногда набегало и побольше, когда издавали целую книгу. Но всё равно им приходилось совмещать творчество и работу. Они и работали – журналистами, сторожами, кто-то по своей специальности бывшей.

Машкин геологом работал довольно долго. Алик Стуков, который много песен хороших написал на стихи молодых, всегда сторожил. Некоторых жёны кормили. Иногда жена говорила: иди, пиши, я буду вкалывать! У Володи Жемчужникова жена, Нелли Матханова, работала на телевидении главным редактором. Конечно, она зарабатывала. А он – творил!

Серёжа Иоффе работал в кинохронике – писал тексты, писал сценарии для фильмов, для журналов. Стихи – они то там появятся, то там – в газетах, журналах. Иногда не местных. Поэма «Командир» печаталась в Новосибирске.

В Москве вообще наших редко поначалу печатали. Машкина издали в Москве, так там Евтушенко помог,

продавил. Ему понравилась повесть «Синее море, белый пароход», и в «Юности» её опубликовали. Вампилова в Иркутске почти не издавали. Первая книжка рассказов – 9 рассказиков там было – вышла в 61 году. Потом долго-долго ничего не печатали. Потом, правда, в альманахе «Ангара» вышли все его пьесы.

Старые писатели не видно было, чтоб дружили друг с другом. Они уважали друг друга – это было. Константин Фёдорович Седых редко у нас в издательстве появлялся, прибалывал. Или Луговской Иннокентий Степанович, поэт сибирский. «Старики» дружили с молодыми. Потому что молодые готовы были дружить. Они приходили к Луговскому тому же, с бутылкой, он готов был их обнять, встретить всех. С Еленой Викторовной Жилкиной очень тесно общались. Машкин меня спрашивал:

- Ты наши повести читала?

- Какие ваши? Читала повесть того-то или того-то, твою, Гена, повесть читала.

- Да нет, наши!

Они один за другого были, говорили: «Наша дружба никем никогда не поколеблется». Они были «стенкой». Знаете, что такое «стенка»? В Иркутске образовался в 1962, наверное, году ТОМ – творческое объединение молодых. Они все в этот ТОМ вошли. Вампилов, Шугаев, Машкин, Иоффе, Файбышенко, Ротенфельд – все там были. Мы «стенка», мы друг за друга! Когда Евтушенко приехал в первый раз сюда, они ему говорили:

- У нас стенка!

Он спрашивал:

- А кто в эту стенку стучит?

Я не знаю, кто куда стучал, никто, по-моему, и не стучал. Иркутская Стенка. Все 60-е годы это продолжалось.

Жили они красиво. Вот вечером идёшь после работы, и где-нибудь они стоят – или около «Молодёжки» на Киевской-1, или возле «Восточки», она была на Карла Маркса, напротив ресторана «Арктика», где все обедали за рубль и даже мы из издательства ходили туда на комплексные обеды. Или возле кинотеатра «Гигант» стояли – и всегда готовы были куда-то ехать, на какие-то острова, какие-то протоки.

Денег мало, но они их собирали, бутылки довольно низкопробного питья закупали. Закуски всегда было мало, выпивки больше, девочек вокруг - много. В молодых наших писателей часто влюблялись, конечно. Правда, многоженцев среди них не было. Жена – святое дело, она должна быть одна! Марк Сергеев - он тогда был секретарь Союза писателей - старался всё это сбересть, чтобы было цельным, никуда не разваливалось. Звонит жена Машкина, к примеру:

- Марк Давыдович, где Гена-то, он ночью не ночевал сегодня!

- Знаешь, Эмма, - говорил Марк, - мне, кажется, что я его только что видел!

Он никогда не продавал никого. А гулять писатели любили, говорили, что это подпитывает творчество. Но ведь так и было, это подпитывало их творчество!

Хотя, честно сказать, женились, и по одному разу женились редко. Правда, для того чтобы жениться второй раз - это как надо было влюбиться! Потому что если женщина ищет в замужестве счастья, то мужик ставит на карту свою судьбу! Они это прекрасно понимали. И конфликтов из-за женщин у писателей, в общем-то, не было.

А вот у артистов был такой красавец – Виталий Зикора, который из-за женщины стрелялся. На полном серьёзе. Застал жену в своей квартире со своим же приятелем, который в этой их квартире вроде как и жил по дружбе. Там такая дуэль была! Весь город «на ушах» стоял.

Муж вызвал обидчика. Оружием было избрано ружьё, причём одно на двоих, стрелялись по очереди. Бросали жребий, кому первому стрелять. Обидчик был почти застрелен, по крайней мере, ранен очень сильно, долго лечился. А сам Виталий, по амплу герой-любовник, блондин с прекрасной фигурой, да ещё и талантливый, первый артист Иркутского ТЮЗа, два года отсидел как миленький за эту дуэль.

Недавно письмо пришло к нам в ТЮЗ из МХАТа Доронинского, он сейчас там работает, с просьбой: «Поздравьте, пожалуйста, вашего бывшего артиста с присвоением ему звания народного!» Мы, конечно,

поздравили, да он и сам нас не забывает, шлёт всё время поздравления ТЮЗу, пишет: «Это мой первый театр». Всех вспоминает.

Он дружил с Вампиловым в те времена, оставил о нём воспоминания. Весёлая была дружба. Поехали на такси! Куда-нибудь! Женщины! 5 рублей у меня есть! Всё из-за женщин, всё для них, но женщина это всё-таки, как ни говори, «второй сорт»...

А знаете, как тогда девушки одевались? В моде были юбки-колокольчики. Ну, то есть, получается: тонкая талия, пышнейшая юбка и шпильки. До этого - ничего такого, всё как-то заурядно было. А потом - вдруг такая мода. Причём сшить легко было – делать нечего! Берёшь 3 метра ситца на сборочку, пояс делаешь и нижнюю юбку крахмалишь. И туфли. Туфли, конечно, нужны были. Но они появились, их купить можно было. На шпильке, светлые, помню, летом. Господи, как красиво! У Вознесенского стихотворение было:

Но вот идёшь по городу,

Несёшь красиво голову,

Надменность рыжей чёлочки

И каблочки-иглочки...

Об этом как раз времени. Во всяком случае, такая началась новая жизнь - с вливанием молодых сил. Не только писательских. И сами они были хороши – остроумные, свободные.

Марк Сергеев любил писать стихи на салфетках, стихов этих было море, мы их даже издали потом. Молодые – те, которые великие в будущем, стихами на салфетках не баловались, они удивляли друг друга конкретными рукописями – не всегда же ездили на такси и развлекались! Они много работали.

Вампилов очень много работал, у Машкина первые повести очень хорошие были. Распутин тогда жил в Красноярске, поэтому в самых активных тусовках участия не мог принимать. Серёжа Иоффе просто был другим, домашним, богемным привычкам не подверженный. На такси не ездил - к нему, бывало, приходили, он давал деньги на такси.

Однажды меня вызвал директор издательства:

- Будете редактором у Евтушенко!

У каждой книги, по-хорошему, должен быть редактор, корректор, технический редактор, художник и т.д., то есть у Евтушенко редактор тоже должен быть! Я в ужасе:

- Как у Евтушенко?

- Вот и рукопись!

Кто-то её привёз, сам он не приезжал. Я взяла эту рукопись, два дня её штудировала, готовилась к разговору – там у меня появились свои соображения, хотя это смешно. Он ведь никаких соображений не принимал. И когда он сам приехал в издательство, зашёл поговорить только к директору, подниматься наверх, к нам, к редакторам - а мы работали на 3 и 4 этажах - не собирался, поэтому – «спуститесь к директору!»

Я постаралась выглядеть как можно лучше, но всё равно дрожу от страха. И, хотя мы договаривались, что я «заманю» Евтушенко к редакторам, весь коллектив рванул вниз, на первый этаж, чтобы, когда небожитель проходил бы мимо, они ненавязчиво шли бы навстречу все...

Захожу, улыбаюсь:

- Евгений Александрович, вы не хотели подниматься к редакторам?

Он внимательно взглянул на меня:

- Нет, я, пожалуй, поднимусь!

- Тогда пойдёмте, чтобы не отвлекать главного редактора, у меня есть несколько вопросов к вам.

И он потащился со мной наверх. Привожу специально – у меня ведь была задача его привести – никого нет!

Все уже убежали вниз. Вот мы сидим, я стараюсь развлекать его разговором, ещё не знаю - почему никого нет, где они все, куда ушли?.. Входит Маргарита Борисовна, озабоченная, с какой-то папкой. Это тоже наш молодой редактор, хорошенькая такая. Евтушенко с интересом на неё смотрит, а она села и работает, не обращает на него никакого внимания. А он произносит фразу:

- У меня никогда не было такого красивого редактора! И чтобы ещё рядом красивый редактор сидел!

Тут все рассмеялись, расслабились, разговор завязался непринуждённый. Когда Евтушенко уходил, встал в дверях картинно и сказал:

- Мне было здесь хорошо и светло от ваших волос!

На этом, взявшись за сердце, мы расстались.

Следующую встречу с Евтушенко мы назначили для доработки рукописи. «Я сибирской породы» она называлась. Там какие-то стихи, он сказал, что заменит, что-то допечатает. Печатал сам на машинке как курица лапой, с опечатками. По сравнению с нами он, конечно, был богат, но на самом деле – нет, раз сам печатал на плохой машинке, клавиши там западали.

Он сказал: «Буду в час». А в час у нас обеденный перерыв, святое время. Вот мы всё с той же Ритой сидим, ждём. Час - нету, пять минут второго – нет. Я не выдерживаю:

- Ну всё, больше ждать не будем, это наш обеденный перерыв, почему мы должны его лишаться, может, он вообще не придёт, может, забыл...

Выходим во двор, и как раз вкатывает чёрная «Волга», подъезжает прямо к нам. Выскакивает из неё Лёня Шинкарёв, собкор «Известий» тогдашний, друзья они были, а следом – Евгений Александрович. Мы подходим, я говорю:

- Евгений Александрович, а мы решили, что вы уже не приедете!

Он посмотрел на часы, на них 13.05, и говорит:

- Пять минут? Как вы жестоки!

Всех рассмешил опять. Мы вернулись, долго-долго разговаривали. Он шутил. «Мне вот 37, а я уже готовлюсь к уходу».

...Скоро приехать должен Евгений Александрович, юбилей ведь у него - 75.

Прекрасное было время. Почему-то все тогда были молодыми!

Лина Викторовна Иоффе, работавшая в 60-х годах редактором Восточно-Сибирского книжного издательства и работающая сейчас заведующей литературной частью Театра юного зрителя имени Александра Вампилова.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Доставляем журнал "Иркутские кулуары" нашим читателям. Стоимость доставки 100 рублей. Телефон службы доставки: 8-964-1257227.

Автор: Артур Скальский © Babr24.com КУЛЬТУРА, ИРКУТСК 👁 11348 31.07.2008, 20:06 📌 423

URL: <https://babr24.com/?ADE=46846> Bytes: 16005 / 15979 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ИРКУТСКИЕ КУЛУАРЫ"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)